

Особое мнение судьи Домника МАНОЛЕ,
изложенное в соответствии с положениями ч. (5) ст. 27 Закона о Конституционном суде № 317 от 13 декабря 1994 года и ст. 67 Кодекса конституционной юрисдикции № 502 от 16 июня 1995 года

Будучи не согласна с выводом, к которому пришли мои коллеги при принятии Определения № 50/2023, ниже излагаю особое мнение.

Являясь истцом в споре против иностранной компании, возникшем в связи с правом интеллектуальной собственности, автор обращения об исключительном случае неконституционности просит установить нарушение авторского права и взыскать материальный и моральный ущерб.

Предмет обращения в Конституционный суд составляет норма ст. 2609 ч. (4) Гражданского кодекса, в соответствии с которой требование о возмещении материального или морального вреда определяется по закону государства, на территории которого нарушено авторское право или право интеллектуальной собственности. Главный аргумент автора обращения заключается в том, что норма Гражданского кодекса вступает в противоречие с положениями ст. 5 ч. (2) Бернской конвенции от 9 сентября 1886 года об охране литературных и художественных произведений, которая была ратифицирована Постановлением Парламента Республики Молдова № 511 от 22 июня 1995 года. Норма Конвенции предусматривает, что объем охраны, равно как и средства защиты, предоставляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана.

Безусловно, право интеллектуальной собственности образует одну из составляющих права собственности, гарантированного ст. 46 Конституции. В качестве конституционных судей мы обязаны интерпретировать и применять основные права в соответствии с договорами, к которым присоединилась Республика Молдова, а также обязаны добросовестно соблюдать эти договоры. Если в отношении осуществления права собственности положения договора, участником которого является Республика Молдова, отличаются от положений национального законодательства, Конституционный суд обязан проводить анализ по существу и выяснить, не являются ли положения договора благоприятны лицам, которым они адресованы.

Между нормой ст. 5 ч. (2) Бернской конвенции и нормой ст. 2609 ч. (4) Гражданского кодекса существует несомненное различие. Поэтому я считаю, что пленуму Конституционного суда следовало анализировать по существу норму Гражданского кодекса, которая была ясно оспорена автором.

Я считаю, что аргумент Суда о том, что «судебным инстанциям принадлежит задача и компетентность выявить закон, подлежащий применению в конкретной правовой ситуации», изложенный в пункте 29 Определения о неприемлемости обращения, вступает в разрез с полномочием Конституционного суда, предусмотренным в ст. 135 ч. (1) п. а) Конституции: «Конституционный суд осуществляет по запросу контроль конституционности законов [...]».

2 мая 2023 года